

Время перемен

ИННА ТРОНИНА

Енчи мья

Инна Тронина

Епитимья

Серия «Время перемен», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233749
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Весной 1994 года в Москве, неподалёку от стадиона «Асмарал», поздно вечером состоялась криминальная разборка. На ней предполагалось покончить с одним из членов банды – Константином Фонарёвым. Но он выжил, хоть и был ранен, и укрылся в частном приюте для престарелых, который использовался ещё и как ночлежка. Содержала заведение на свои средства Елена Косулина – представительница «золотой молодёжи», внучка бывшего члена ЦК КПСС. С минуты на минуту ожидая прихода бандитов, которые уже шли по следу, Елена и Константин исповедовались друг другу, чтобы облегчить душу перед вероятной кончиной. Фонарёв рассказывал, как из десантника, телемастера, примерного отца двоих детей он стал жестоким бандитом и убийцей. Елена же призналась, что, выполняя постыдную и грязную работу, она пытается замолить свой грех. Несколько лет назад она избавилась от ещё не рождённого ребёнка, и теперь очень страдает из-за этого. Но свой

подвиг Елена совершила именно этой ночью, когда встала пути бандитов, которые явились, чтобы добить Фонарёва...

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Инна Тренина

Епитимья

Глава 1

– Ты контрольный выстрел сделал? Я что-то не слышал!

Высокий полноватый мужчина в пиджаке от Оскара Якобсона, через плечо оглянулся на кусты у ограды стадиона. Своей чернильной синевой пиджак сливался с весенней московской ночью.

От ограды только что вернулся юноша в джинсовой рубашке. Полный господин снял тёмные очки в платиновой оправе, аккуратно сложил их и опустил в нагрудный карман.

– Нет, шеф, не было возможности, – ответил парень в джинсе. – Мимо люди шли по Дружинниковской. Выстрел мог меня обнаружить. А глушителя у меня нет...

– Так вернись и сделай сейчас! – Человек в дорогом пиджаке постучал согнутым пальцем в ветровое стекло своего «Мерседеса-600».

Оттуда немедленно появились трое молодых людей в кожаных куртках и одинаковых японских тёмных очках.

– Фонаря надо заваливать, как лося! Пока мозги напрочь не вышибешь, успокаиваться нельзя. Идите с ним! – указал мужчина на юношу в джинсовой куртке. – Антон, я к тебе

претензий не имею. И после тебя проверку не пускаю. – Шеф несколько секунд смотрел на слабо светящиеся, но всё равно нарядные витрины магазина «Элза мода Италия». – Помню, что ты – мастер спорта по стрельбе, и не промазал ни разу. И всё же, – мужчина хлопнул юношу по плечу, – проверь. Здоровее будешь.

Вся четвёрка скорым шагом двинулась через узкую Дружинниковскую улицу к заросшей кустами ограде стадиона. Раздвигая ветки и перешагивая через корни, люди вошли в кусты и захрустели битым стеклом. Среди уже густой, но ещё молодой листвы вспыхнули их фонарики.

– Где он был, Тоша? – спросил один из кожаных, наморщив лоб.

Тот проверил один куст, второй, третий. Другие работали так же внимательно и собранно, но никого не обнаружили.

– Вот здесь лежал! Видишь, кровь? – спокойно сказал один из них, самый старший и опытный.

Он присел на корточки у ограды, вымазанной в краске и исписанной громадными, кривыми буквами. Но свежие алые потёки прямо на глазах расползались по грязной извёстке, поблёскивали в электрическом свете фонарей и, кажется, ещё не утратили своего тепла.

– А где Фонарь сейчас? – Юноша в джинсовой рубашке спросил это так же равнодушно, как бы у себя самого.

Он ещё раз осмотрел место, вспомнил всё до мелочей, и понял, что шеф оказался прав. Фонарь очухался и ушёл,

причём после выстрела в аорту – по-видимому, на сей раз неудачного. Но всё равно – ранение тяжёлое, крови вылилось много, и сил надолго не хватит. Сейчас бывший десантник был в горячке, в стрессе; потому-то и потребовалось ему всего десять минут. Вот, пожалуйста, ещё кровь – на сигаретной пачке и на корне тополя.

– Где-то рядом. – Блондин в кожанке вышел на тротуар и огляделся. – Далеко он такой не уйдёт. Вопрос в том, куда он направится. Москву он знает, сволочь. Его часто сюда на разборки посылали. Некоторые себе даже могилы рыли за Кольцевой – Фонарь заставлял. Скелетов у него в шкафу достаточно для того, чтобы не считаться невинной жертвой. – Блондин, не выключая фонарика, нагнулся над тротуаром. – Сейчас мы его, как миленького, вычислим. Он здорово на следил.

– Я доложу! – Антон, тяжело вздохнув, перешёл Дружинниковскую. Полноватый мужчина ждал его, рассматривая итальянские аксессуары на мерцающих витринах.

– Ушёл? – спросил он, словно уже зная ответ.

– Так точно, шеф. Это – моё упущение, и я готов ответить, – покорно склонил голову Антон.

– Пока ты мне нужен, чтобы его найти. – Мужчина хлопал стрелка на сей раз по щеке. – Он истекает кровью, и может упасть без сознания где-нибудь поблизости. Может спрятаться в подъезде. «Скорую» ему вызывать тоже не с руки, а соваться в ментовку – тем более...

– Он по Конюшковской к метро смылся! – Чуть запыхавшийся блондин подошёл к автомобилю. – Разрешите начать поиски, пока след не остыл.

– Саша, идите следом, но держитесь на почтительном расстоянии. В перестрелку с ним не вступайте. Этот раненый зверюга положит вас всех. Ему уже терять нечего, он покажет всё, на что способен. Ваша задача сейчас – вычислить направление и двинуться по следу. Пусть кто-нибудь один сгоняет пока за собакой, а другой – за шмотками Фонаря. Торопиться не стоит, но и тянуть особенно нечего. – Полный господин нервно переступал своими лакированными туфлями.

На Конюшковской вдруг грохнул один выстрел, потом – другой. Казалось, что голубоватый свет, льющийся откуда-то из листвы мигнул, а потом стал ярче. Когда гроыхнуло в третий раз, и кто-то из троих, бросившихся в погоню, коротко, предсмертно, вскрикнул, полный мужчина изменился в лице.

Он достал зубочистку, поковырял ею во рту и приказал:

– За ним, быстро! Он совсем близко. Я и не думал, что Фонарь – такой сохатый, и себя обнаружит...

– Он не сохатый. – Вернувшийся с Конюшковской Александр, тяжело дыша, сжимал кулаки. – Какой же он сохатый, шеф, коли одного из наших уже обнулил?

Неслышно и стремительно, отталкиваясь от асфальта ногами, обутыми в специальные омовские кроссовки, Антон

и Александр кинулись через троллейбусное кольцо к метро. И снова темнота полыхнула огоньками – раз, два, три. Но на этот раз пули почему-то ложились мимо цели...

– Слабеет Фонарь, заключил шеф. – Это очень хорошо. При такой потере крови у кого угодно в голове помутится. Он не уйдёт теперь, а мог бы затаиться. Так что, Саша, прав я, а не ты.

– Согласен, шеф. – Пацан на сей раз не возражал.

Он остановился, прижавшись спиной к стволу тополя. Антон тяжело дышал, усевшись прямо на газон. С Конюшковской два человека принесли третьего, обмякшего, как тряпичная кукла.

– Что с ним? – коротко спросил шеф.

– Только что кончился. Ну, минуту назад, наверное.

Бандиты положили своего коллегу на траву, скрестили ему руки на груди. Поскольку все были без шапок, головы обнажать не пришлось, зато вся компания истового перекрестилась.

– Ну, что ж, Славик, ты отстрелялся. Теперь наша очередь мстить за тебя, – тихо сказал шеф. – Как я понимаю, у Фонаря остался один патрон. Гад этот уходит к Садовому. Если упустите, всех в расход.

Пацаны прекрасно знали, что всё так и будет. А, значит, лучше догнать Фонаря...

Он бежал вдоль каменных стен домов, по узкому ущелью Баррикадной улицы, мимо парапета переливающейся огнями «высотки» на площади Восстания. Могучий детина в куртке «бомбер-джакет» и сапогах-казаках оглядывался и снова пытался прибавить ходу, но уже не мог это сделать. В правой руке бегущий сжимал пистолет, а левую засунул в прореху между поплёскивающими дорожками «молний». А когда осторожно, на секунду остановившись, он вытаскивал ладонь, она была алой от крови.

Он вытер ладонь о парапет, взглянул на каменные ступени, куда так и тянуло присесть; потом закашлялся и сплюнул кровью. Ловя сухими губами воздух, с трудом приподнял голову и увидел, как тяжело ползут на юг тучи. Снизу они были озарены электрическим заревом никогда не засыпающей Москвы. Казалось, что свет испускают и бесчисленные цветы каштанов, которых было так много кругом.

Даже здесь, в центре, тянуло зеленью, мокрой травой и подстриженными кустами. Какие-то из них окидало белыми мелкими цветками, и они пахли очень сладко. А рядом, в неоновых витринах дорогих магазинов, на шёлке и бархате сияли неживые цветы. «Как в гробу», – подумал раненый, качнувшись и с трудом устояв.

И плавали в витринах, среди серо-сизой мути, мужчи-

ны-манекены, от вида которых ему стало жутко. Любая человеческая фигура сейчас олицетворяла собой смерть. А он страшно ослаб – мощная шея уже не держала остриженную ёжиком голову, которой он когда-то разбивал кирпичи. Кроме того, он сильно ударился затылком об асфальт – там, у стадиона.

Внезапно тело стало лёгким. Огни перед глазами вытянулись в светящиеся стрелки. И он потерял сознание, инстинктивно нажав спусковой крючок своего пистолета. Оружие было снято с предохранителя, и поэтому щёлкнул выстрел. Теперь патронов не осталось совсем – даже для себя. И пропал, оказался бездарно упущен последний шанс на спасение. Распорядиться своей жизнью раненый теперь уже не мог...

Но выстрел вернул беглеца к жизни. Он рванул ворот бирюзовой, залитой кровью футболки, сунул тёплый пустой пистолет в карман куртки и снова побежал. На всякий случай он пошарил в карманах, хотя патроны россыпью никогда не носил. Нет, точно, всё кончено. Бывшие дружки сейчас где-нибудь, у метро «Краснопресненская» или у закрытой «Баррикадной»; с минуту на минуту они будут здесь.

Эту часть Москвы он знал плохо. Может быть, поэтому и был вызван сюда для ликвидации. Но сейчас мысль заработала предельно ясно. Вспомнилось, как ездили они с другой компанией в магазин «Рибок» – вот он, за Садовым, угол улицы Воровского. Значит, нужно вспомнить эти переулки и улочки с сиренью, каштанами и тополями; уютные дворики,

низкие особнячки. Почему-то казалось, что спасение там, в темноте, тишине и сырости, из-за которой Москва сейчас пахла морем – как родной Питер...

Только теперь он понял, как с кровью уходит жизнь. Здоровый парень, бывший десантник и нынешний телохранитель алмазного короля из Якутии, ценящий лишь силу и холодный разум, он сам ненавидел себя за слабость, за позорную немочь. Он застрелился бы сейчас, не упустив по дурости такую возможность. Безоружному и раненому не совладать с теми, кто имеет чёткий приказ уничтожить.

Он сам не обсуждал распоряжения хозяина, понимал своих преследователей, но умирать не хотел. Если не достали до сердца с первого раза, а взяли левее, значит, судьба дала шанс. И нужно реализовать благоприятный момент – бежать, прятаться, драться, убивать. Ведь собственная рубашка, как говорится, ближе к телу.

Пусть его хотят ликвидировать, как отработанный материал или по оговору, но завалить Фонаря без боя им уже не удастся. Он расстрелял шесть патронов из семи. Пули улетели в майскую ночь, и одна точно нашла цель. Раньше метко бил на звук, но сейчас у него всё получалось плохо. Надо было, конечно, «броник» надеть перед тем, как ехать на Пресню. Но тогда стреляли бы в голову...

Великолепные карденовские джинсы сейчас стесняли и дыхание, и движения. Надо же, а раньше ведь ничего этого не замечал! Футболка всё глубже влипала в рану, и становилось

очень больно. Куртка, лёгкая и удобная, ощутимо мешала, но скинуть её бегущий не мог. Пистолет весил уже, казалось, полцентнера, да и собственное тело сделалось чужим.

Раненый отвоёвывал у асфальта и смерти каждый свой шаг. Садово-Кудринская улица распахнулась перед ним, как река, которую нужно было переплыть, чтобы уйти от погони. Редкие автомобили не могли помешать; только собственная кровь, вытекая, лишала сил. «Казачки» острыми носами цеплялись за асфальт, за застывшие комья бетона, за арматуру, наваленную около свежештукатуренных стен. Раненый жадно вдыхал запах извёстки – почему-то всегда любил его.

Когда-то так было – на Свири, десять лет назад, когда свело судорогой ногу. Вода была ледяная. И вот так же он рычал, хрипел, а потом заорал. Не умоляя спасти, а просто так, чтобы выплеснуть наружу свою боль. И доплыл до берега, что было почти нереально. Это был его день рождения – двадцать восьмое апреля. Он хотел испытать свои возможности, но вместе этого, уже в восемнадцать лет, получил от матери увесистый подзатыльник. Зато потом мог говорить, и в первый, и во второй раз родился в один день...

А сейчас кричать было нельзя. Он лишь воображал свой крик, проползая по хламу и стеклу, мимо корыт с раствором и спутанных металлических тросов. Ему казалось, что он плывёт. А на самом деле он полз и шёл, хватаясь за борта грузовиков, за крылья легковушек, за углы домов и за собственное горло. А *они* были уже на той стороне Садового.

Жертва видела своих палачей, но не спешила им отдаваться. Он нырнул за ларёк, постоял там немного и решил, что надо свернуть во дворы. Здесь, на открытом, да ещё ярко освещённом месте, при полной луне, он для преследователей, как на ладони. Они для него – тоже, да что толку? «Калаш» бы сюда сейчас, хотя бы с одним рожком, и тогда... Впрочем, чего зря мечтать? Позиция-то выгодная. Он их видит, они его – нет. Но в следующий момент одинокий раненый волк и стая могут поменяться местами. Судьба дала фору ему, теперь даст им.

Шарахнувшись к другому ларьку, а потом – к углу дома, беглец исчез из светового круга. Поднял голову, пошатнулся, взглянул на указатель. Улица Качалова. Две он перед этим проскочил, и не узнал, как они называются. Ладно, улочек тут много; и ещё неизвестно, какая удобнее.

А теперь куда? Кругом – двери коммерческих магазинов, вывески в позолоте, решётки из чугуна и стали на окнах и дверях. Везде, конечно, кроме замков, ещё и сигнализация. Куда-нибудь бы во дворик, на травку, в кусты. Может, и не найдут – по крайней мере, передышка-то точно выйдет. Хорошо, что уже, считай, лето – конец мая.

Похоже, приятели уже у ларьков, где он недавно стоял. Пока покрутятся на развилках, можно выиграть время. Вроде бы, здесь имеется переулок, да ещё другой. Это хорошо, затылки они почешут. Он сам часто преследовал и настигал, поэтому знал, как надо уходить.

Опять посмотрел, как называется переулочек. Вспольный. Красивое слово – пахнет вянущими сладкими травами, чуть пригорелой кашей. Раненому показалось, что рядом тихонько заржали лошади, и мерцали в ночной реке звёзды. Вспольный... Сиреневый, черёмуховый, тополиный... Тихий-тихий, хоть и закованный в камень. Вроде бы, и от него отходит улочка. В случае чего, можно нырнуть туда. Но Вспольный, Вспольный! Почему так лёг на сердце? Не виден почти в темноте, и ещё неизвестно, куда выведет...

Выстрел неожиданно и вкрадчиво щёлкнул сзади. Навернули глушитель, козлы! Пуля свистнула рядом с ухом. Ничего себе, убежал! Ну, так, в натуре, он кровь терял, а не те, кто сзади! На них бы глянуть в его положении... Так, ещё хлопок со вспышкой сзади. Пуля отрекошетила от стены дома, осыпав голову каменной крошкой. Раненый упал, ударившись мокрым разбитым лбом о решётку, которая закрывала около в подвал. Он увидел, что там, внизу, горит свет. А потом к стеклу оттуда, изнутри, прижалось белое, как мел, женское лицо. *Те*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.